

УДК 811.511.131

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ГЛАГОЛЬНОЙ И ИМЕННОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Владимировна Кондратьева

доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания

Удмуртский государственный университет

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1. nataljakondratjeva@yandex.ru

Статья посвящена описанию способов выражения квантитативных отношений в современном удмуртском языке: на материале примеров из художественной литературы рассматриваются аспектуальные характеристики глаголов и оппозиция «единственное – множественное число»; выявлены принципы дистрибуции абсолютива; исследуются характер взаимодействия морфологических признаков категории числа имени существительного с многократными глаголами.

Ключевые слова: финно-угорские языки; удмуртский язык; однократный/многократный вид; категория единственного/множественного числа.

1. Взаимосвязь языковых объектов является частным случаем универсальной взаимосвязи вещей в окружающем нас мире, в связи с чем она может представлять особый интерес для исследователей-языковедов. В отечественной лингвистике теоретическая литература, затрагивающая отдельные грани проблемы межкатегориальных связей, разнообразна и достаточно обширна (в частности, с этой точки зрения интерес представляют труды Н.А.Козинцевой, В.Г.Адмони, А.В.Бондарко, В.С.Храковского, И.Б.Долининой, Н.А.Луценко, Ю.С.Маслова и др.). Несмотря на активный научный интерес мировой лингвистики к указанной проблематике, удмуртское языкознание пока остается в стороне от исследований, проводимых в данном направлении, хотя выявление степени и характера воздействия друг на друга различных грамматических категорий позволило бы выявить не только роль языковых явлений в формировании семантической структуры предложения/высказывания, но и определить их место в языковой системе современного удмуртского языка в целом. В связи с этим в данной статье попытаемся определить межкатегориальные связи именной и глагольной количественности, которые еще не были объектом пристального внимания удмуртских лингвистов.

2. Глагольная количественность в удмуртском языке, помимо категории множественного числа, представлена видовыми характеристиками. Однако раздвоение в содержании грамматической абстракции вида в ряде случаев ведет к затруд-

нению его понимания, поскольку в одних языках формообразующие структуры исследуемой грамматической категории выражают качественную характеристику действия (результативность – иррезультативность, интенсивность – рассредоточенность и др.), в других – количественную (многократность – однократность). Поэтому, прежде чем приступить к изложению данного раздела, следует разграничить понятия терминов вид, аспект и акционсарт.

Термин *aspect* в западном языковедении впервые появился в 30-е гг. XX в. как простой эквивалент понятию русского вида, однако с развитием лингвистической науки внутреннее содержание данного понятия претерпело ряд изменений (см. об этом: [Плунгян 2000: 292–293], в связи с чем в современном языкознании имеется некоторая тенденция к закреплению термина вид применительно к славянской оппозиции совершенный/несовершенный вид, иначе говоря, «славянский вид оказался частным случаем универсального аспекта», а термин аспект чаще всего принято связывать с группой «качественно-линейных грамматических значений» [Плунгян 2000: 293].

В истории уралоистики имеются различные подходы при выборе терминологии, касающейся характеристики глагольного действия в финно-угорских языках. Так, в советском финно-угроведении суффиксы, выражающие повторяемость действия, назывались суффиксами видового значения [ОФУЯ 1974: 359]. Академик Б.А.Серебрянников, исследуя аспектуальные ха-

рактические глагола в удмуртском языке, разграничивает «собственно вид» и «видовые классы»: к первой группе он относит «такие образования, показатели которых имеют тотальное распространение. Ко второй категории относятся образования, показатели которых имеют видовое значение, но не имеют тотального распространения. Их распространенность может иметь различные степени, начиная от недостаточной полноты и кончая крайне незначительной степенью распространения, не превышая иногда одного десятка глаголов» [Серебрянников 1960: 24]. В современном зарубежном финно-угроведении принято разграничивать категории вида (аспекта) и способ протекания действия (Aktionsart) (см. подробнее: [Сааринен 2002: 203]). Подобное стремление к разграничению видовых и акциосартных образований характерно также для современной тюркологии (см. об этом подробнее: [Лебедев 2003: 48–63]). В данной работе мы будем использовать дефиницию аспект.

Финно-угорские языки относятся к языкам, аспектуальная характеристика в которых указывает на количественные отношения: их основным значением является выражение кратности и/или степени длительности действия. В этом отношении в удмуртском языке, говоря о суффиксах, выражающих аспектуальные отношения в синхроническом аспекте, мы можем указать наличие в группе глагольных основ двух рядов: (1) словообразовательном (*копаны* ‘копать’ ~ *копыштыны* ‘немного копнуть’ ~ *копалтыны* ‘копнуть’), где глагол отличается от своей производящей основы лексическим оттенком, и (2) формообразующем, где глагол отличается от своей производящей основы только значением вида – многократностью (многокр.), повторяемостью совершаемого процесса (*копаны* ‘копать’ ~ *копалляны* (многокр.), *копыштыны* ‘немного копнуть’ ~ *копыштылыны* (многокр.), *копалтыны* ‘копнуть’ ~ *копалтылыны* (многокр.)). При этом словообразовательные суффиксы могут участвовать в актуализации следующих аспектуальных характеристик: ингрессивных (начинательных), ограничительных, аттенуативных (смягчительных), кумулятивных, семельфактивных (одноактных), интеративных (фреквентативных), мультипликативных (многоактных) и др. (см. об этом: [Алатырев 1959: 164–204; Тепляшина, Лыткин 1976: 182–186; Кондратьева 2007: 25–34]).

Схематически парадигматику и синтагматику простейших видовых отношений внутри родственных глаголов суффиксального образования можно изобразить следующим образом:

однократные глаголы многократные глаголы

шоканы ‘дышать’ ↔ *шокалляны*
шокчыны ‘букв. дыхнуть’ ↔ *шокчылыны*
шокыштыны ‘вдохнуть’ ↔ *шокыштылыны*
или:
шонаны ‘махать’ *шоналляны*
шонтыны ‘махнуть’ ↔ *шонтылыны*
шоналтыны ‘размахнуться’ ↔ *шоналтылыны*

Отдельного внимания требует группа глаголов, сопоставляемая между собой посредством суффиксов *-а/-я-* и *-ы-*: *кымманы* ‘простужаться’ ~ *кыммыны* ‘простудиться’, *лэзьяны* ‘кидать’ ~ *лэзьыны* ‘кинуть’, *лобаны* ‘летать’ ~ *лобыны* ‘лететь’, *потаны* ‘выходить’ ~ *потыны* ‘выйти’, *пыраны* ‘заходить’ ~ *пырыны* ‘зайти’, *тубаны* ‘подниматься’ ~ *тубыны* ‘подняться’ и др., например: *Кёлан дэрем коже, кутчаськытэк, кыре потйз* (ЧП, 197). ‘В одной ночной рубашке, без обуви, она вышла на улицу’. ~ *Выльысь но выльысь потаз кышномурт кенос азе, потамезлы быдэ малы ке тунгон борды кутскылйз* (ЧП, 197). ‘Снова и снова женщина выходила в сени и каждый раз почему-то дотрагивалась до замка’.

Вопрос об отнесении морфем *-а/-я-* и *-ы-* к формообразующим или словообразовательным суффиксам на данном этапе развития языкознания кажется несколько проблематичным. С одной стороны, учитывая, что варьирование членов данной оппозиции представляет собой частное деление вида и не затрагивает самой семантики глагола, кажется целесообразным рассматривать данные аффиксы как формообразующие. Но, с другой стороны, противопоставление *-а/-я-* и *-ы-* на сегодня уже полностью подверглось лексикализации: наличие вариантов характерно лишь для определенных лексических единиц, что позволяет причислять данные показатели к словообразовательным суффиксам. Кроме того, в пользу последнего довода немаловажное значение имеет и тот факт, что каждый член исследуемой оппозиции может присоединять к себе суффиксы, выражающие многократное действие: *бертыны* ‘возвратиться’ > *бертылыны* ‘возвращаться (многокр.)’; *бертаны* ‘возвращаться’ > *берталляны* ‘возвращаться (многокр.)’.

С точки зрения синтагматики, употребление маркеров *-л(ы(-))* и *-лля-*, выражающих многократность действия, в современном удмуртском языке зависит от основ спряжения глагола: *-лы(-)* добавляется к полной основе глаголов I спряжения; *-лля-* присоединяется к основе глаголов II спряжения: *кельты-лы-ны* ‘оставлять’, *ужа-лляны* ‘работать (многокр.)’, например: *Короленко учкылэ соос шоры* (Петр., 327). ‘Короленко часто посматривает на них’; *Мон но тани уйлы быдэ гуртме вёталляй* (Серг., 177). ‘Вот и мне каждую ночь снился отчий дом’.

Рассмотрим основные семантические значения вербальных единиц, выражающих способ протекания действия и имеющих в своей морфологической структуре формообразующие суффиксы *-лы(-)* и *-ля(-)*.

А. Вербальные единицы, характеризующиеся отсутствием аспектуальных маркеров, в современном удмуртском языке чаще всего выражают однократное действие: *Тани пичи пинальёс нырысьсэ вамьшито классэ* (Вал., 127). 'Вот малыши впервые входят в класс'; *Вераськыны медам люкеты шуыса, кенер вёзы пукси* (Серг., 25). 'Чтобы не помешать беседе, я пристроился у ограды'.

Отсутствие в морфологической структуре слова суффиксов с аспектуальным значением позволяет также выражать такую повторяемость действий, которая приобретает значение постоянной характеристики деятельности конкретного субъекта: *Калык ушья тонэ, Насьтй* (Серг., 25). 'Народ хвалит тебя, Настя'; *Митрей витетй этажын улэ* (Шир., 104). 'Дмитрий проживает на пятом этаже' Данное значение в научной литературе принято еще рассматривать как характерологическое.

Глагольные формы, характеризующиеся отсутствием аспектуальных суффиксов, могут также выражать континуативное действие, или действие, которое началось в прошлом, но продолжает совершаться до момента речи. В этом случае характер протекания действия поддерживается контекстом, в частности формами эгрессива: *Пичи дырысеным нянь будэтйсьёслэн школазы дышетскисько* (Шир., 102). 'Я с детства обучаюсь в школе хлебороба'; *Со дырысен, улмоез зынъякум, лул пушкын ик маиз ке бугырске кадь, синкылиос потыны курисько* (Серг., 97). 'С тех пор, когда я слышу запах яблок, я начинаю волноваться, на глазах выступают слезы'.

Кроме вышеуказанных значений, не маркированные аспектуальными суффиксами вербальные единицы могут указывать на действие, совершаемое более одного раза. В этом случае многократность протекания действия актуализируется либо через обстоятельственные и субъектно-объектные формы, либо же через контекст: *Яблокнуос нош, доразы отьыса сямен, котькуд аре трос яблок сёто* (РГ, 21). 'А яблони, словно притягивая к себе, каждый год плодоносят'; *Яна потэмезлэсь азьло нуналлы быдэ кадь керетйзы, даллашизы* (Петр., 353). 'Прежде чем разойтись, они чуть ли не каждый день ссорились и ругались'.

На наличие/отсутствие аспектуальных суффиксов в морфологической структуре предиката

определенное влияние могут оказывать и аспектуальные характеристики других отглагольных форм, а также контекст: *Шёмаськыса бертылык-куз, пуныеныз адямиен сямен лад-лад вераське вал* (Вал., 130). 'Когда возвращался, бывало, домой в нетрезвом состоянии, [он] беседовал со своей собакой, как с человеком'.

Б. Суффиксы *-л(ы)-* и *-ля(-)* в структуре вербальной единицы могут выражать различные типы множественности. Рассмотрим некоторые из них:

а) указание на повторяющееся во времени действие или выражение собственно многократного значения: *Куддыр та улонын астэ ачид но валамысь дугдылйськод* (Серг., 96). 'Иногда в этой жизни ты перестаешь понимать и самого себя'; *Собере колыс бичалляй* (РГ, 51). 'А потом я собирала борщевик';

б) выражение узуального значения. Наличие обстоятельства времени в этом случае позволяет определять периодичность протекания действия либо указывать на условия протекания действия: *Сьёртыын дыръяз угось арня нунальёсы соос татчы шутэтскыны ветлылйзы* (Пер., 98). 'Когда он работал в д.Сьёрты, по воскресеньям они часто приходили сюда отдыхать'; *Герги котькуд экзаменэз бёрсьы «Юпитераз» пуксе но анаездоры больницае дыртылэ* (АС, 22). 'После каждого экзамена Герги садится за руль своего «Юпитера» и торопится (многокр.) в больницу к своей матери'.

Узуальное значение может актуализироваться также в том случае, если в структуре предложения употребляются отглагольные обороты, а также придаточные предложения цели, времени или условия: *Уно аръёс ортчыса но, Паганиниеэ кылзыкуз, Иван тодаз вайылйз пустыня но гурезьёс вискы ёркам городэз* (Серг., 106). 'Даже спустя многие годы, слушая музыку Паганини, Иван часто вспоминал город, затерявшийся между пустыней и горами';

в) выражение мультипликативной множественности, когда «единство мультипликативной ситуации обеспечивается тем, что отдельные действия направлены на части одного объекта, а вся сумма действий воспринимается как единый процесс, направленный на этот целостный объект» [Долинина 1996: 134]: *Амалыз ке луысал, со сюлэмзэ пичиен-пичиен калыклы люкылысал* (Петр., 69). 'Была бы его воля, он бы свое сердце небольшими кусочками раздал народу'; *Кинлы ке зарни-азвесьмы сярсы поттылйд ке – кылдэ вандо!* (РГ, 138). 'Если кому-то проболтаешься о наших драгоценностях (букв.: серебре-золоте) – язык отрежу';

К данному же типу можно отнести случаи рассредоточенности действия среди множества объектов: *Шуба кисыысьтыз зарни сйныысэн бинем кузесь кампетъёс поттйз но нылпиослы люкылйз* (Петр., 84). 'Он достал из карманов своей шубы обвернутые золотыми нитями длинные конфеты и раздал детям'; *Пиньме куртчи, саесъёсме пужалляй* (РГ, 116). 'Стиснув зубы, я засучила рукава'; *Одйгтэм ыбылоно соосты* (Петр., 310). 'Их до единого надо расстрелять';

г) указание на дистрибутивную множественность (см. об этом также: [Серебренников 1960: 91]):

– при наличии множественности субъектов действия: *Векчи куско, паськыт пельпумо, котьку мыньпотйсь пияш шоры вань нылъёс жалма-са учкылйзы* (Серг., 154). 'На стройного, широкоплечего, с улыбочивым взглядом молодого человека заглядывались все девушки'; *Ёзьёсы тйни институтъёсты но быдтылйзы ни* (Серг., 160). 'Мои сверстники уже успели окончить институты'; *Пужымъёс, кызъёс ултй тулыс вордскем кечпиос бызьыло* (Шир., 194). 'Под елями и соснами резвятся появившиеся на свет весной зайчата';

– при рассредоточенности действия в пространстве, когда в качестве субъекта действия выступают дискретные предметы: *Шильтыр-шалтыр усыйлйзы мисътасъкон но мычисъкон тйрлыкъёс* (Серг., 74). 'С брэнчанием повалились приборы для бритья и умывания'; *Коркаос азе котыртэм палисадникъёс пушкын турлы сяськаос мерттылэмын* (Крас., 8). 'В палисадниках перед домами посажены разные цветы';

– при рассредоточенности действия в пространстве, когда в качестве субъекта действия выступают имена, указывающие на вещество (*ву* 'вода', *кенъыр* 'крупа', *лымы* 'снег' и т. д.), или неисчисляемые предметы: *Куасьем музьем пут-пут пилиськылэмын* (Сам., 47). 'Высохшая земля потрескалась'; *Солэн (кутэмнянлэн) ымыре шунытэз лыктэ, пинь улысь кенэм тачыр-тачыр! пильылйське* (ЧП, 253). 'Свежеиспеченный хлеб отдает теплом, семена конопли скрипят под зубами'; *Кымесаз пёсям вуэз чилектылэ, баблес погмасъкем йырсиосыз ветлонъяз лобак-лобак луыло* (Серг., 164). 'На его лбу выступает пот, его нерасчесанные кудрявые волосы при ходьбе словно взлетают'.

Следует заметить, что семантические оттенки глагольной множественности можно выявить только исходя из контекста. В ряде случаев они могут объединять несколько семантических характеристик, в частности, указание на множественность субъектов действия и многократность действия содержится в следующих примерах:

Учкисъёс олокёня пол ини, артистъёсты сцена вылэ отъыса, кизэс чабыны кутскылйзы (Вал., 62). 'Зрители уже несколько раз, приглашая артистов на сцену, начинали аплодировать'; *Озьыгес ик вазьылйзы со шоры семьяысь мукетъёсыз но* (Хр., 63). 'Таким же образом к нему обращались и другие члены семьи'. Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что на наличие морфологических маркеров многократного вида в морфологической структуре вербальной единицы в современном удмуртском языке определенное влияние оказывают следующие характеристики предложения:

а) сосредоточенность/рассредоточенность действия во времени;

б) сосредоточенность/рассредоточенность действия в пространстве;

в) наличие одного/множества субъект(а/ов) действия;

г) сосредоточенность действия на одном объекте / рассредоточенность действия среди множества объектов.

3. В современном удмуртском языке морфологическая категория числа имен существительных как словоизменяемая грамматическая категория выражается в системе двух противопоставленных рядов форм – единственного и множественного числа. Следует однако подчеркнуть, что «единственность/множественность» как бинарный признак морфологического уровня структуры языка не всегда совпадает с «единственностью/множественностью» логико-семантического порядка. Так, в отношении асимметрии могут вступать: а) морфологическая «единственность» с «множественной субстантностью» как совокупным логико-семантическим признаком или б) морфологическая «множественность» с логико-семантическим комплексом «единственная/парная субстантность». В данной работе мы не будем рассматривать семантические функции словоформ числа (см. об этом: [Кондратьева 2010: 92–101; Lytkin 1930: 76–77]), а остановимся лишь на тех моментах, которые имеют прямую зависимость с глагольной множественностью.

Единственное число, как член морфологического противопоставления «единичность/множественность», в современном удмуртском языке характеризуется отсутствием формальных показателей: *Укноо дурын бамзэо мисъкыса пуке коцьшоо* (Хайд., 96). 'На подоконнике, умываясь, сидит кошка'; *Гурезьо йылын ик, сюрес дурын, вёл-вёл возж куаро бадяро сылэ* (Загр., 321). 'На горе у дороги растёт раскидистый клен с зеленой листвой'. Морфологическими маркерами множественного числа являются

суффиксы *-ос/-ёс*: *Жингыр-куангыр! куашказы горшокъёс* (Хайд., 56). ‘С грохотом покатались горшки’; *Ортчизы нунальёс, толзъёс* (Хайд., 108). ‘Прошли дни, годы’;

В диахронии имена существительные без формальных показателей множественного числа, по-видимому, можно рассматривать как немаркированную форму в отношении признака количественности, т.к. для уральского праязыка было характерно использование абсолютного числа (см. об этом подробнее: [Майтинская 1979: 80–93]). В частности, с точки зрения венгерского исследователя М.Кёвеша, признаки неединственного числа образовались в поздней стадии уральского праязыка; до этого для выражения квантитативных характеристик использовались слова со значением ‘мало’, ‘много’, ‘два’, ‘три’ и т. д.: «Az alapnyelv korai szakaszában még nem alakult ki a numerusok kötött morfémákkal való jelölése. Feltehetően mennyiséget jellentő szavak és számnevek (kevés, sok, néhány, kettő, három stb.) szolgáltak a duális és plurális jelölésére az ún. “numerus absolutus” mellett» [Kövesi 1970: 43] (‘На раннем этапе развития языка-основы морфологические маркеры множественного числа еще не были сформированы. Для выражения значения двойственности и множественности использовались лексемы со значением количественности, а также имена числительные (мало, много, несколько, три и т.д.) наряду с так называемыми «numerus absolutus»’.

С точки зрения синхронии, признаки абсолютного числа в системе современного удмуртского языка сохранились в следующих позициях:

а) в случае дистрибуции имени существительного в сочетании с количественными именами числительными (см. об этом также: [Стрелкова 2009: 147–150]): *Куать корка(о) выжытэм сутыса быдтэмын* (Конов., 26). ‘Шесть домов сожжено дотла’; *Собере корка пушкысь куинь адямиез(о) поттйзы* (Конов., 59). ‘Потом из дома вывели троих людей’. Следует заметить, что в указанном контексте возможно также употребление имен существительных в форме множественного числа: *Кык зигъёс нюлэскы, шур дуре ветлйзы* (АС, 193). ‘Два товарища часто ходили в лес, [спускались] к реке’; *Кыкназы ик съёд дйськутъёсын дйсьяськемын, кык монашкаос сыло кожалод* (Гряз., 269). ‘Обе они одеты в черное, можно подумать, что стоят две монахини’;

б) в случае дистрибуции имен существительных, выражающих семантические множества (например, обозначение парных частей тела, парных предметов одежды, групповых частей тела и др): *Камайлэн синм(о)ыз йёназ уг адсы ни* (Конов., 96). ‘Камай (букв.: глаз Камая) уже ви-

дит с трудом’; *Азвесен вуам выллем тёдды чилась баблес йырси(о)ез каллен гинэ тёлъя шудэ* (Конов., 3). ‘Его седые, словно покрытые серебром, волнистые волосы развеваются по ветру’. С точки зрения синхронии, в данном случае также возможно употребление форм множественного числа: *Синъёсыз [солэн] сутэръёс кадь съёдэсь* (АС, 81). ‘Ее глаза черны, как смородинки’; *Тани киосыд кужмоесь луозы – тракторен ужалод, гырод-кизёд* (АС, 221). ‘Вот окрепнут твои ручки – и станешь ты трактористом, будешь работать на поле’.

4. Проанализировав современные художественные тексты, мы пришли к выводу о том, что на наличие/отсутствие показателей множественного числа немаловажное значение оказывает глагольная количественность. Как уже отмечалось выше, глагольная множественность в удмуртском языке затрагивает как пространственно-временные отношения, так и субъектно-объектные характеристики действия. В этом ряду обязательное морфологическое оформление с точки зрения присутствия маркеров множественного числа характерно лишь при выражении субъектных значений, т.к. субъект и предикат предложения в системе удмуртского языка конструируются с точки зрения числовых характеристик. Также наличие показателей множественного числа обязательно при выражении посессивных отношений, т.к. в этом случае они актуализируют отношения обладателя (обладателей) к обладаемому (обладателям): *Нош тайзэ суредме учкы ай* (АС, 192). ‘А теперь посмотри на этот мой рисунок’. Ср.: *Пияш эшезлы суредъёссэ возьматъяз* (АС, 192). ‘Мальчик своему товарищу показывал свои рисунки’.

В остальных случаях допускается факультативное использование суффиксов множественного числа в контексте с вербальными единицами многократного вида.

Так, формы единственного числа при глаголах многократного вида широко распространены в структуре прямого дополнения: *Куасьтэм нюлэс(о)эз тылатылйзы вазь тулыс* (Гриш., 125). ‘Высохший лес (~ высохшие леса) сжигали ранней весной’; *Мон тани арысь аре отличник вал, весь газет(о) поттылй* (Пукр., 104). ‘Я, к примеру, каждый год был отличником, всегда выпускал газеты (букв.: газету)’; *Недоимка чотэ нуылйзы гидысь ыж(о)ез, ветыл(о)эз, скал(о)эз яке толэс(о)эз* (Гриш., 120). ‘В счет недоимки уводили с хлева овец, телок, коров или жеребят (букв.: овцу, телку, корову, жеребца)’. По-видимому, в аналогичных примерах «форму единственного числа с нулевым аффиксом можно рассматривать как немаркированную в отноше-

нии признака расчлененности» [Молчанова 1976: 135]; это по сути дела обозначение и единичного, и общего объекта – класса предметов, обладающих сходным качеством.

Данное явление при отсутствии видовых характеристик глагола характерно лишь в случае, если в функции прямого объекта выступают имена, сохранившие позиционные признаки абсолютного числа (см. выше): *Со нуналэ ик, магазинэ мыныса, кирза сапег(θ) басътiз* (Вал., 106). ‘В тот же день он купил в магазине кирзовые сапоги’; *Кладовщик зок портфельсысьтыз куинь банка консерва(θ), колбаса(θ), сыр(θ) поттiз* (Сад., 46). ‘Кладовщик достал из своего портфеля три банки консервов, колбасу, сыр’. Наличие показателей множественного числа в последнем случае может указывать на дистрибутивное множество или другие вторичные значения граммем множественного числа: *Но берло вакыт чорыг(θ) весь ичигес шедьыны кутскиз* (ПГ, 251). ‘А в последнее время улова (букв.: рыбы) стало меньше’. Ср.: *Отчы [прудэ] олокыче но чорыгъёс лэзи* (Загр., 348). ‘Туда [в пруд] я выпустил различные виды рыб’.

Преобладающее использование форм единственного числа характерно и при выражении расщепленного во времени или в пространстве действия: *Анай-атаез солы нялтас котьку салам(θ) лэзьыло вал, сюлэмшугъясько одiг пизы сярись* (Серг., 175). ‘Родители часто отправляли ему гостинцы (букв. гостинец), беспокоились о своем единственном сыне’; *Улыг интыосын нош тодьы кечсин сяська бирды но адскылэ* (Серг., 117). ‘В низинах виднеются белые подснежники (букв.: белая пуговка подснежника)’.

Таким образом, на выбор морфологических маркеров единственного/множественного числа в современном удмуртском языке существенное влияние оказывает не только распределение объектов на дискретные и континуативные, что типично для большинства языков мира, но и аспектуальные характеристики вербальной единицы.

Список источников

- АС* – Ар-Серги В. Ноктюрн: Веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 2003. 304 с.
- Вал.* – Валишин Р.Г. Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1974. 156 с.
- Гриш.* – Гришкина М.Г., Корепанов К.И. Дарьёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртьёс сярись очеркъёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 190 с.
- Гряз.* – Грязев Г.Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 с.
- Загр.* – Загребин Е.Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / послесловиез А.Г.Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 с.

Конов. – Коновалов М.А. Гаян: Роман. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 230 с.

Крас. – Красильников Г.Д. Тонэн кылысько: Роман. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 390 с.

ПГ – Перевошиков Г.К. Шелеп: Повестьёс, верос; Жестокосердие: Повести. Трилогия / пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.

Пер. – Перевошиков Г.К. Ёыбыртты музьемлы: Роман-тетралогия. Ижевск: Удмуртия, 1992. Т. 1. 496 с.

Петр. – Петров М.П. Вуж Мултан. Роман / Азыкылэз Ф.Ермаковлэн. Устинов: Удмуртия, 1987. 360 с.

Пукр. – Пукроков Ф.П. Кизили ныл: Роман, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 312 б.

РГ – Романова Г.В. Жужыт-жужыт гурезе...: Верос сузьет, серемес веросьёс, выжыкылъёс, сценкаос. Ижевск: Удмуртия, 2000. 160 с.

Сам. – Самсонов С.А. Тау тыныд, адями. Ижевск: Удмуртия, 1963. 84 с.

Сад. – Садовников В.Е. Кошкизы но – оз берытске: Повесть, очерк, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 142 с.

Серг. – Сергеев В.В. Лыдья, лыдья кикые: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1988. 208 с.

Хайд. – Хайдар Р.О. Ачим: Веросьёс, юморескаос, скетчъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999. 200 с.

Хр. – Христолюбова Л.С. Калык сямъёсты чакласа. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 с.

ЧП – Чернов П.К. Казак воргорон: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 480 с.

Шир. – Ширококов В.Г. Ошмес жильыртэ ваньмызлы. Ижевск: Удмуртия, 1980. 240 с.

Список литературы

Алатырев В.И. О некоторых способах выражения категории вида в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. Т. 1. Ижевск, 1959. С. 164–204.

Долинина И.Б. Конструкции с «посессивными актантами» // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 127–137.

Кондратьева Н.В. Туала удмурт кылысь каронтус каблэн пөрмемез но кутыськемез // Вестник УдГУ. Филологические науки. 2007. Выпуск 5. Часть 1. С. 25–34.

Кондратьева Н.В. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2010. Выпуск 2. С. 92–101.

Лебедев Э.Е. Состав и классификация акционсартовых значений в чувашском языке // Взаи-

модействие урало-алтайских языков. Язык и культура: Материалы международной конференции (4–6 октября 2001 г., Шубашкар) / Под ред. А.П.Хузангая. Чебоксары, 2003. С. 48–63.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 264 с.

Молчанова Е.К. Категория числа в таджикском языке // Индийская и иранская филология: Вопросы грамматики. М., 1976. С. 133–138.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М: Наука, 1974. 484 с.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 283 с.

Сааринен С. Фреквентативность (многократность) в марийском и удмуртском языках // Пер-

мистика 5: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 203–207.

Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

Стрелкова О.Б. Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте): дис... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 217 с.

Тепляшина Т.И., Лыткин В.И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 97–228.

Kövesi M. Az uráli alapnyelv többesjeleiről // NyK (Budapest). 1970 (LXXII). Ol. 31–44.

Lyktin V. A többesszám *-jas (-jos)* és *-jan* képzői a permi nyelvekben // Magyar Nyelvőr. 1930 (LIX). III–IV füz. Ol. 76–77.

INTERCATEGORIAL RELATIONS OF VERBAL AND NOMINAL QUANTITY IN THE UDMURT LANGUAGE

Natalja V. Kondratjeva

Associate Professor of General and Finno-Ugric Linguistics Department
Udmurt State University

The article is devoted to the description of the means of expression of the quantitative relations in the Modern Udmurt language. On the material of the literary text the aspectual characteristics of the verbs and the opposition “the singular versus the plural” are studied. The principles of the absolutive distribution are revealed. The nature of the interaction of the morphological markers of the category of the number of the noun with the frequentative verbs is considered.

Key words: Finno-Ugric languages; Udmurt language; semelfactive/frequentative aspect; singular/plural category.